

В начале 1924 г. на XIII партийной конференции было решено «держать курс на подъём заработной платы в соответствии с подъёмом промышленности и производительностью труда» (*Тринадцатая конференция РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. 8 изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 530*). Эта установка была подтверждена и пленумом ЦК РКП (б), проходившим в августе 1924 г.: «...рост зарплаты в отдельных отраслях и в отдельных предприятиях должен строго соотносываться с производительностью труда и не только с ресурсами данной отрасли, треста, но и с ресурсами и состоянием всей промышленности» (*О политике заработной платы // Там же. Т. 3. С. 132*). Эти решения окончательно определили линию государственной политики в сфере регулирования заработной платы.

А. М. ПЛЕХАНОВА

СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЗАГОТОВОК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

(На примере Бурят-Монгольской АССР)

Изучение изменений в организации заготовок сельскохозяйственной продукции является одним из главных условий в понимании трансформации нэпа как системы, прежде всего, экономических отношений. Поскольку требование свободы распоряжения сельскохозяйственной продукцией было главным лозунгом крестьянского повстанческого движения, приведшее большевистское руководство страны к необходимости отмены военно-коммунистических методов изъятия продовольствия, с введением новой экономической политики был совершен переход от внеэкономических к коммерческим методам заготовок. Однако, как показывают исследования последних лет, эти методы на протяжении нэпа не оставались неизменными (*Ильиных В.А. Маслозаготовки в Сибири в условиях НЭПа: соотношение административных и экономических методов // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 183–186; Грик Н.А. К вопросу о роли насилия в становлении советской торговой политики (1921–1933 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири. Томск, 1994. С. 155–168*). Актуальность поставленной проблемы определяется ее слабой изученностью на региональном уровне.

Поскольку в силу естественноисторических и климатических условий сельское хозяйство Бурят-Монголии имело тенденцию развития в сторону животноводства (в 1923 г. на его долю приходилось 52% валовой сельскохозяйственной продукции), основными видами заготовок в Бурят-Монголии являлись заготовки кожи, мяса, шерсти, а также пушни-

ны, зерна, рыбы и др. В качестве заготовителей сельскохозяйственной продукции на рынке Бурятии выступали и государственные, и кооперативные заготовительные организации, и частники. Следует заметить, что большинство открывающихся в республике в 1920-е гг. отделений и агентур центральных государственных торговых органов — Дальторга, Хлебопродукта, Всекож-синдиката, Сибгосторга, Всероссийского текстильного синдиката, Русско-английского сырьевого общества (РАСО) разворачивали свои действия в Бурят-Монголии именно с целью заготовки сельскохозяйственного сырья, только отделение Текстильного синдиката — для снабжения республики текстильными изделиями.

Возникающая в ходе заготовительной кампании конкуренция между государственными торговыми органами, кооперативами и частниками вызывала рост закупочных цен. В этих условиях большевистское руководство попыталось поставить пределы роста цен на сырье с помощью введения уже весной 1924 г. обязательного для государственных и кооперативных организаций максимально предельного уровня цен — лимита. Однако в условиях, когда как заготовители, так и производители исходили в своей деятельности из коммерческой целесообразности, навязываемые сверху лимиты, не соблюдались. Закупочные цены формировались преимущественно в зависимости от соотношения спроса и предложения складывающегося на рынке.

В этих условиях государство еще более усиливает непосредственное директивное регулирование процессом заготовок сельскохозяйственной продукции. Для преодоления «вредной конкуренции, ажиотажа, бессистемности, бесплановости на заготовительном рынке» СНК Бурреспублики постановлением от 10 октября 1924 г. признал основными заготовителями только те государственные и кооперативные организации, которые имели на местах широкую сеть своих отделений и агентур, а именно, по заготовкам пушнины — Бурторг, Буркоопсоюз и Бурят-Монгольский отдел Всероссийского кооперативно-промышленного Союза охотников; по заготовкам кожсырья, зерна и мяса — Бурторг, Буркоопсоюз и Центральный рабочий кооператив (ЦРК) «Единение» (*Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчеты. 1923–1924. Верхнеудинск, 1925. С. 189, 191*).

Указанные заготовители взяли на себя обязательство осуществлять заготовки только через свои отделения, агентуры и уполномоченных. Заготовка продукции через частных посредников и от частных скупщиков категорически запрещалась (*НАРБ, ф. 248, оп. 11, д. 91, л. 168 об.*). Оставшиеся на рынке заготовители по указанию Бурвннутторга заключили между собой конвенцию о соблюдении предельного уровня закупочных цен. В этих условиях, связанные конвенцией, государственные и кооперативные заготовители не смогли конкурировать с частными фирмами и торговцами, которые, не имея ценовых ограничений, предлагали производителям более высокую закупочную цену, что позволяло им снимать до

50% всего рыночного предложения сырья (*Бурят-Монгольская АССР... С. 204*). Условия закупки у частных заготовителей были более заманчивые еще и потому, что они давали до 80% деньгами и 20% товарами, тогда как кооперативные и государственные торговые организации, наоборот, только 20% деньгами. На ненормальность данного положения указывалось в многочисленных отчетах. Например, в докладе «Об итогах заготовительной кампании в сезон 1923/24 гг.» отмечено, что «... в условиях Буреспублики при близости монгольской границы лимитные цены связывали основных заготовителей и давали полную возможность частнику, незначительно повышая цену, снимать с рынка нужную для него продукцию, не боясь конкуренции со стороны плановых организаций» (*РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 583, л. 243*).

Подобное положение было признано соответствующими государственными органами недопустимым и поэтому осенью 1924 г. был принят ряд жестких административных мер борьбы с частным капиталом. Прекращалось его финансирование, усиливался налоговый нажим.

Многие исследователи видят в политике ценообразования одну из причин свертывания нэпа. Ведь фиксированные цены лишают рынок самой главной его составляющей — конкуренции, без которой свободный рынок превращается в черный, характерный для периодов рационирования или, иначе говоря, для военного времени. Английский ученый А. Ноув полагает, что политика цен окончательно подорвала нэп в 1926 г. Отечественный исследователь Н.А. Грик, основываясь на резолюции 1923 г. «Об очередных задачах экономической политики», замечает, что уже в начале нэпа большевики «серьезно и глубоко не восприняли законы рыночных отношений, хотя и призывали друг друга с ними считаться» (*Грик Н.А. Указ. соч. С. 161*). Нельзя не согласиться и с В.А. Шушкановой, которая, исследуя кооперативное движение в Восточной Сибири, пришла к выводу о том, что виной хронического невыполнения госзаказов на заготовки была жесткая ценовая политика государства: «...лимитные заготовительные цены сковывали хозяйственную инициативу кооперативов по рукам и ногам. Деревня свое недовольство системой государственного регулирования цен выражала тем, что придерживала сельскохозяйственную продукцию до зимы или весны, обостряя тем самым ежегодные кризисы хлебозаготовок» (*Шушканова В.А. Роль сельской кооперации в аграрном возрождении Восточной Сибири в годы НЭПа // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С. 182*).

К аналогичным выводам приходили и современники нэпа, непосредственно связанные с рынком. Например, резолюция расширенного пленума совета съездов биржевой торговли, состоявшегося в июле 1925 г., прямо указывала на слом действующих ценообразующих факторов в результате действия двух рынков: частного и госкооперативного. Авторы документа справедливо считали, что заготовительные цены

должны строиться с учетом получения «нормальной коммерческой прибыли», а не на убытках заготовителей. В резолюции особо подчеркивалось — хлебная котировка должна быть свободна от каких-либо искусственных комбинаций (*Грик Н.А. Указ. соч. С. 162*).

В начале 1927 г. учетно-распределительный отдел ЦК партии обращал внимание Оргбюро на пагубность установления Наркомторгом всевозможных ограничений в товарообороте (на цену, планы заготовок, их распределение по районам). Авторы этого документа с видимой тревогой отмечали рост «дефектов» в области заготовительных цен, их недостаточную гибкость в процессе заготовок и несоответствие цен стандартам и сортам (*РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 69, д. 320, л. 30–31*).

Указанные «дефекты» имели место и в Бурят-Монголии. Так на заседании Кожсырьевой конвенции в феврале 1927 г. все выступающие объясняли слабый ход кожсырьевых заготовок, во-первых, жесткой сортировкой сырья Кожсиндикатом, во-вторых, существованием лимитных цен, в-третьих, большой активностью частника, охватившего рынок на 40–45% (*НАРБ, ф. 753, оп. 1, д. 378, л. 104*).

На 2-ом Пленуме Бурят-Монгольского обкома партии в марте 1926 г. отмечалось, что недостатки в области заготовительной работы вызваны еще и тем, «...что не было достаточного опыта в этой работе. Недостаточное знакомство с отдельными хозяйственными районами и условиями рынка, рваческие уклоны со стороны отдельных хозяйственных органов, стремившихся получить как можно больше заготовительного кредита, все это послужило причиной того, что заготовительная кампания прошла в несколько ненормальных условиях. Отсюда и низкий процент выполнения плана: по пушнине на 34%, по хлебу — 72%, кожсырью — 40 %» (*РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 567, л. 3*).

Таким образом, в период осуществления новой экономической политики совершалось административно-правовое вмешательство государства в хозяйственные процессы. Законодательство начального периода уже заложило основы и отразило приоритет административного регулирования процессом заготовок сельскохозяйственной продукции. По мере восстановления крестьянских хозяйств, когда материальные условия обмена стали задавать рыночные векторы хозяйственной жизни, выяснилось, что «уменьше торговать заключается в том, чтобы заместить частный капитал во всех областях» (*Стенографический отчет XIII съезд ВКП(б): 1924 г. М., 1963. С. 386*). В результате, к концу 1928 г. в республике окончательно сложилась административная система заготовок сельскохозяйственной продукции. При помощи административных мер частник был окончательно вытеснен с заготовительного рынка, который, как впрочем, и вся торговля, стал полностью монополизированным государственной торговлей и кооперацией. Это позволяет сделать вывод о том, что нэп — не в чистом виде рыночная, а дуалистическая — адми-

нистративно-рыночная система. Преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов на заготовительном рынке, насилие над ценообразованием — факторы, не только разрушившие хрупкую систему хозяйственных связей, но и лишившие страну выбора наиболее эффективного способа экономического развития.

Б.Г. ПРЯНИШЕВ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ НИЖНЕУДИНСКОЙ СЛЮДЯНОЙ ФАБРИКИ (1930–1945 гг.)

Выдвинутая в плане ГОЭЛРО концепция преодоления промышленной отсталости восточной зоны страны послужила основой генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края на 1920–1941 гг. Уже в начале 1920-х гг. плановые комиссии Сибирского края приступили к изучению, анализу и обобщению разрозненных научных данных о потенциальных сырьевых ресурсах Сибири, к оценке возможной их разведки, разработки и использования. Развитие электро-радиотехнической промышленности, моторо- и авиастроения, интенсивный процесс электрификации всех отраслей народного хозяйства страны, наращивание производственных мощностей военно-промышленного комплекса предъявили возрастающий спрос на разведку и использование месторождений слюды. И в 1924 г. возобновляется добыча слюды-флогопита в районе станции Слюдянка. В начале 1925 г. Совет труда и обороны СССР поручил Институту прикладной минералогии (ИПМ) начать разработки месторождений слюды в Сибири. В 1926–1927 гг. геологическая партия, возглавляемая Д.Т. Мишаревым, проводит плановую разведку Мамских мусковитоносных залежей.

Первое время добычей слюды занимались ИПМ, управление Забайкальской железной дороги и Госторг, а в конце 1927 г. создается «Сибирский слюдяной трест», переименованный затем в трест «Союзслюда», и разработки всех месторождений слюды переходят в ведение государства. Весной 1928 г. «Сибслюдтрест» открывает в Бирюсинском районе свой филиал и приступает к разведочно-эксплуатационным работам на Шельменском (позднее он был назван Трудовым) руднике. В 1929 г. организовывается Бирюсинское рудоуправление «Сибслюдтрест». Начинается добыча слюды на рудниках Нерой-I и Нерой-II (*Архивный отдел администрации муниципального района муниципального образования «Нижнеудинский район». Нижнеудинск. Ф.Р-41, оп.1, д.412А, л.13*). В результате обстоятельных исследований была выявлена Бирюсинская Слюдянская полоса площадью 400 км².